

Культура древней

СОСТАВИТЕЛЬ
Э. С. СМЕРНОВА
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Д. С. ЛИХАЧЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОСВЕЩЕНИЕ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1967

КИЕВСКАЯ РУСЬ

(X - НАЧАЛО XIII В. В.)

ЭПОХА Киевской Руси X—XI веков — время единства Руси, время ее славы и могущества. Не случайно народ воспел это время в своих былинах. Русские богатыри Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович съезжаются в стольный Киевград и здесь защищают русскую землю от степных врагов. Вокруг Киева и Новгорода сложилось единое и могучее русское государство — самое обширное в тогдашней Европе. Русские дружины не раз появлялись под стенами Константинополя. Они разгромили Хазарский каганат, отстаивали открытые и легко доступные степные границы Руси от набегов кочевников, появлялись на Северном Кавказе и в Малой Азии.

Принятие христианства при князе Владимире Святославиче приобщило Русь к европейской культуре IX—X веков, закрепило и развило культурное общение Руси с самой передовой страной тогдашней Европы — Византией — хранительницей культурных традиций античности: Греции и Рима.

О культурных связях Руси XI—XIII веков мы можем судить по многим данным. Французский средневековый эпос часто упоминает «прекрасную Русь» — ее коней, ее красавиц, изделия ремесла, чудесные кольчуги. О Руси как о сказочной и могучей стране говорят и скандинавские саги. Монах Теофил, живший в XI или XII веке, в своем ученом трактате «О различных ремеслах» ставит Русь по развитию ремесел на второе место — непосредственно после Византии и впереди таких стран, как Германия и Италия¹.

Киев видел посольства Византии и Германии, Польши и Венгрии, римского папы и государств Востока. Русские купцы постоянно появлялись в Византии, в Польше, в Чехии, в Венгрии, в Болгарии, в Закавказье и т. д. В Регенсбурге — важнейшем центре торговли Германии с Русью — существовала даже особая корпорация купцов «русариев», т. е. немецких купцов, торговавших с Русью.

Вот почему киевский митрополит Иларион в своей знаменитой речи «О законе и благодати», произнесенной им в киевском храме Софии в присутствии Ярослава Мудрого и его двора, мог сказать о Руси, что она «ведома и слышима во всех концах земли».

* * *

Огромным культурным переворотом, который внес чрезвычайно глубокие изменения в развитие культуры, позволил накапливать культурный опыт, развивать художественное слово, закреплять и сохранять словесные произведения для потомства и распространять их среди широких масс людей, явилось введение единой письменности.

О многом говорят нам и династические связи русских князей. Сестра Ярослава Мудрого Мария была замужем за польским королем Казимиром, а сестра Казимира была женой сына Ярослава — Изяслава. Другой сын Ярослава был женат на сестре трирского епископа Бурхардта. Два остальных сына Ярослава были женаты — один на дочери Леопольда, графа Штаденского, а другой на дочери саксонского маркграфа Оттона. Дочь Ярослава Мудрого Анна была замужем за королем Франции Генрихом I и одно время, после его смерти, управляла Францией. С ее именем связано во Франции немало различных культурных начинаний. Другая дочь Ярослава Елизавета была замужем за знаменитым викингом Гаральдом Смелым — впоследствии королем Норвегии. Слава о его подвигах гремела по всей Европе. Он был поэтом и, когда упорно и долго добивался руки Елизаветы, сложил в ее честь песню. Каждая из шестнадцати строф этой песни, рассказывавшей о его подвигах, заканчивалась словами: «Только русская дева с золотой гривной пренебрегает мною».

Династические связи русских князей сохранились и после Ярослава. Внучка Ярослава Евпраксия Всеволодовна была замужем за германским императором Генрихом IV. Дочь киевского князя Святополка Изяславича Предслава была замужем за венгерским королем, а венгерский король Коломан был женат на дочери Владимира Мономаха Евфимии.

Обширные династические связи сохранялись в XII и XIII веках с Византией, Венгрией и Северным Кавказом. Так, например, могущественная царица грузинская Тамара была замужем за сыном Андрея Боголюбского — Георгием; одна дочь галицкого князя Ярослава Осмомысла была замужем за венгерским королем Стефаном III, а другая — за познанским князем Одоном.

При дворе русских князей находили себе убежище норвежский король Олаф, сыновья английского короля Эдмунда Железный Бок — Эдвин и Эдуард, император Византии Андроник I Комнин и некоторые другие.

По-видимому, отдельные системы письменности существовали в Русской земле издавна — особенно в районах, прилегавших к северным берегам Черного моря, где когда-то располагались античные колонии. Археологи находили разные знаки письменности на камнях, глиняных сосудах, кусках дерева. О письменах славян писали арабские путешественники и географы X века. О «чертах и резах» славян, существовавших издавна, свидетельствуют и древнейшие славянские писатели.

Потребность в письменности появилась с накоплением богатств и с развитием торговли: нужно было записывать количество товаров, долги, различные обязательства, письменно закреплять передачу накопленных богатств по наследству и т. д. Возникла необходимость и в частной переписке. В письменности нуждалось и государство — особенно при заключении договоров. Появилась потребность в написании собственной истории. Чем выше было развитие общества, тем больше была нужда в письменности. В разных местах изобретались свои алфавиты или заимствовались чужие.

Конечно, только единая система алфавита могла по-настоящему служить общению людей, накоплению культурного опыта, знаний, развитию художественного слова. Такая единая система была перенесена на Русь из Болгарии вместе с принятием христианства. Христианство, в отличие от язычества, было религией с высокоразвитой письменностью. Оно обладало собственным очень обширным составом письменных произведений, обязательных при отправлении богослужений, предназначенных для монастырских чтений, для пропаганды христианства, для обучения служителей церкви. Здесь были сочинения исторические, церковно-певческие, богословские, проповеднические и т. д. Все эти книги с очень сложным содержанием требовали не только единого алфавита, но и высокоразвитой письменной системы в целом.

В X веке на Руси появилось из Болгарии два алфавита: глаголица и кириллица. Впоследствии возобладала и закрепились кириллица. Этим алфавитом с некоторыми изменениями мы пользуемся и сейчас. Возникла система знаков препинания. Появилось умение делать письменный материал из кожи животных (пергамен), употреблять для письма бересту, составлять чернила, краски, украшать рукописи орнаментом и иллюстрациями, делать прочные переплеты. «Книжное искусство» на Руси было очень высоким уже в XI веке. Почерки писцов были красивы, четки, писчий материал (пергамен, чернила) необыкновенно прочен, книжные украшения изящны, а переплеты иногда так драгоценны, что о них даже составлялись отдельные записи: кто и где их делал, кто давал на них средства.

От первых русских книг остается впечатление, что мастера, их делавшие, были безраздельно преданы своему ремеслу, делали книги с исключительной любовью, вкладывали в них громадный труд, терпение, старание. Не случайно в древних русских рукописях сохранилось столько разнообразных похвал книгам, «книжному чтению», «книжному деланию». Одно из самых известных славословий книге встречаем в древнейшей русской летописи под 1037 годом.

Конечно, эта любовь к книге была не случайной. Она вызывалась потребностью в книжном образовании, в знании, в литературе,

исторических сочинениях и т. д. Просто удивительно — какое количество разнообразных, порою очень обширных произведений появилось на Руси в конце X и в XI веках. Этому способствовало то обстоятельство, что древнейший русский язык был близок к древнейшему болгарскому, а на болгарском языке уже существовала обширная книжность: переводы с греческого и свои собственные болгарские сочинения. Вот почему с принятием христианства на Руси появилась сразу же целая литература по самым разнообразным вопросам.

Кроме чисто церковных произведений, очень различных по содержанию, куда входили и произведения богослужебные, и часть библейских книг, и проповеди, и «жития»-биографии святых, и сочинения богословские, к нам были перенесены переводы византийских хроник (из них важнейшие — Георгия Аматола и Иоанна Малалы), из которых русские читатели могли получить представление о мировой истории, географические сочинения («Топография» Козьмы Индикоплова, т. е. «плователя в Индию»), сочинения об устройстве мира («Шестоднев» Иоанна экзарха Болгарского), о мире животных (так называемый «Физиолог»), переводы греческих романов («Александрия» — роман из жизни Александра Македонского, «Девгениево деяние» — повесть о жизни и приключениях византийского богатыря Дигениса Акрита) и т. д. Но наряду с уже готовыми переводами в Киеве, Новгороде и других городах появляются собственные переводы особенно прославившихся в мировой литературе сочинений. Целые «дружины» переводчиков работали в Киеве при Ярославе Мудром. Здесь переводились сочинения с греческого и с древнееврейского, а может быть, и с других языков.

Но русские не довольствовались только переводами. Давно уже существовала потребность в русской истории. Этой потребности не могли полностью удовлетворять зыбкие и не всегда точные устные народные предания, сказания, легенды, былины. Возникла необходимость в систематически изложенной истории, проверенной, сопоставленной с историей других стран, извлеченной из самых разнообразных источников: иностранных и своих собственных. Уже в начале XI века, а может быть, и раньше — в конце X века, в Киеве и Новгороде стали составляться первые записи. Постоянно разрастаясь, они составили к концу XI — началу XII века обширный и систематический рассказ, получивший под пером монаха Киево-Печерского монастыря Нестора окончательную литературную отделку под названием «Повесть временных лет». Это целая энциклопедия древнерусской жизни IX—XI веков — энциклопедия, дающая представление не только об истории Руси, но и о ее языке, происхождении письменности, религии, воззрениях на мир, географических знаниях, искусстве, международных связях и т. д. Повествовательное искусство «Повести временных лет» стоит на очень высоком уровне. Отдельные эпизоды русской истории рассказаны с удивительной краткостью и наглядностью. Язык богат, гибок, точен и лаконичен. Летописец проявляет себя образованным писателем, знакомым с обширным кругом произведений — русских, византийских, болгарских, западнославянских, — умеющим пользоваться русским народным эпосом как историческим источником, вставляющим в свою

речь народные пословицы, обладающим юмором и рассудительностью.

«Повесть временных лет» не была единственным историческим сочинением своего времени. Еще раньше появилась летопись в Новгороде, летописные записи стали составляться на Волыни, а затем, в XII веке — в Переяславле Южном, Чернигове, Владимире, Смоленске и многих других русских городах и княжествах. Летописцами выступали очень разные лица — монахи, священники городских церквей, игумены монастырей, епископы, библиотекари, посадники и даже сами князья. Это были все люди — иногда молодые, иногда старые, — отличавшиеся большой любовью к родной земле, активно вмешивавшиеся в политическую жизнь, рукой которых водили мирские интересы и политические страсти. Они обрабатывали сочинения своих предшественников и составляли связные рассказы о русской истории за несколько веков.

Уже в XII веке почти в каждом русском княжестве и во многих монастырях велись свои летописи. Эти летописи размножались во многих списках, ими пользовались летописцы для обмена сведениями и для составления больших исторических сочинений — летописных сводов.

Помимо летописей с их разнообразным историческим материалом существовала и другая высокоразвитая русская литература. Здесь мы находим исторические повествования, жития святых, биографии князей (Изяслава Мстиславича Киевского, Даниила Галицкого), повести о феодальных преступлениях (об убийстве Игоря Олеговича, Андрея Боголюбского), поучения и проповеди, патерики (рассказы о выдающихся монахах какого-либо монастыря, напр. Киево-Печерского).

Одно из самых замечательных произведений русской литературы XII века — «Слово о полку Игореве». Все знают его содержание, его патриотический призыв к единению перед лицом страшной половецкой опасности, его бесценные художественные достоинства. Но если взглянуть на «Слово о полку Игореве» с точки зрения историка культуры как на свидетельство культурного уровня породившего его общества, то и с этой стороны оно не менее удивительно. «Слово» свидетельствует о высоком чувстве чести, развитом в русском обществе, о чувстве воинского долга, о высоком достоинстве человека, о патриотизме русских людей, об их умении понимать настоящее своей страны в связи с ее историческим прошлым. Трогательный образ верной жены Игоря — Ярославны свидетельствует о существовании в древней Руси высоких нравственных идеалов, об умении понимать ценность личных чувств — нежности, любви, верности, — об умении сочувствовать чужому горю. Не менее замечательно в «Слове» понимание психологии воинов, переступивших через границы своей Родины и проникновенно с нею прощающихся: «О, Русская земля, уже за шеломянем (холмом) еси!» Автор «Слова» сочувствует и одинокой смерти на поле битвы князя Изяслава Васильковича, понимает удаль Всеволода Буй Тура и тревогу воинов перед битвой. Именно поэтому так близок автору и мир природы, мир русских городов и сел — вся русская земля с ее историческим прошлым и печальным настоящим. Перед нами одно из самых человеческих произведений мировой литературы. «Слово о полку Игореве» — непрерыв-

каемое свидетельство высокой культуры человеческой личности в древней Руси.

Высокое развитие литературы в Киевской Руси не может нас удивлять. Оно соединялось с высоким развитием образования. В Киевской Руси существовали различного рода образовательные учреждения. Русская летопись под 988 годом говорит: после крещения киевлян Владимир «стал брать у знатных людей детей и отдавать их на учение книжное». Судя по Несторову житию Феодосия Печерского, даже в таком окраинном городе, как Курск, в середине XI века было нечто вроде школы, и ребенка примерно десяти лет отдавали в учение учителю, у которого он вскоре «изучил всю грамматику». Есть основания думать, что в третьей четверти XI века в крупных монастырях Киева книжное образование поднималось до высшего уровня тогдашней европейской науки. Последовавшее затем феодальное дробление древнерусского государства не было временем упадка просвещения; период феодальной раздробленности сопровождался ростом областных очагов просвещения. Русская культура того времени концентрируется вокруг многочисленных культурных областных гнезд: Новгорода, Чернигова, Полоцка, Смоленска, Владимира-Волынского, Галича, Ростова, Суздаля, Владимира-Залесского и др. Во всех этих центрах расцветает летописание, местная литература, создаются местные школы и небольшие очаги образованности при монастырях.

О развитии грамотности не только в верхах общества, но и в среде простых горожан, свидетельствуют многочисленные берестяные грамоты XI—XIII веков¹, найденные за последние годы во время раскопок в Новгороде. Писали на бересте, царапая и выдавливая буквы особыми костяными и железными палочками. Это частные письма, счета, завещания, торговые записи, учебные упражнения и т. д. По этим документам мы можем судить о том, что жизнь в те времена была далеко не такой примитивной, как это представлялось совсем еще недавно.

* * *

Непосредственное свидетельство высоты культуры Киевской Руси — памятники зодчества XI—XIII веков, сохранившиеся в Киеве, в Новгороде, во Владимире-Суздальском, в Чернигове, Смоленске, Полоцке и других древних русских городах.

Первые каменные здания начали строиться на Руси в X—XI веках, но уже до того русские умели воздвигать сложные деревянные постройки. Трудовой народ города жил в нехитрых жилищах, но умел создавать в городах грандиозные оборонительные стены на высоких земляных валах, строил богатые хоромы знати, обширные гридницы, т. е. залы для пиров и совещаний дружины. По различным данным можно предполагать, что эти богатые помещения были ярко расписаны, имели затейливые кровли и сложные резные украшения.

С введением христианства русское зодчество испытало плодотворное влияние каменной архитектуры Византии и подвластных

¹ Разрядкой указаны предметы и сооружения, воспроизводимые в альбоме.

ей стран. На Русь приезжали византийские мастера, но благодаря наличию многовековых навыков деревянного зодчества вскоре появились на Руси и собственные строители каменных сооружений. Первые русские строители, воздвигая храмы в сложных византийских традициях, вносили в них местные технические усовершенствования, стремились отразить свои вкусы, приспособляли здания к местным условиям.

Связанное с церковью византийское влияние было на первых порах по преимуществу церковным. Не удивительно, что и первые каменные здания, выстроенные в византийских архитектурных традициях, были главным образом церкви. И церкви, и парадные дворцы знати отличались в X—XI веках огромными размерами. Они были светлы внутри, богато украшены мозаиками и фресками, резным камнем снаружи. Церкви отличались великолепной акустикой. Орнаменты полов, выложенные из разноцветных кусков камня, керамики и смальты (окрашенное стекло, употреблявшееся в мозаике), были необыкновенно нарядны. Храмы были украшены богатыми золотыми и серебряными сосудами, роскошными византийскими тканями, большими хоросами (люстрами). Высоких иконостасов еще не было, и поэтому входившие в храм могли свободно видеть все его обширное пространство, всю мощь сводов и столпов, красоту светлых куполов и великолепие многокрасочного убранства стен.

Храмы древней Руси не были только религиозными сооружениями: в них принимали иностранных послов; в них «сажали на стол» князей; на хорах хранилась казна, библиотека, работали переписчики книг. В храме и около храма собиралось вече из избранных горожан, а в торговых районах города в некоторых из церквей хранились наиболее ценные из товаров, чтобы уберечь их за каменными стенами от пожаров и воров. В Новгороде в храмах собирались братчины (сообщества купцов), устраивались пиры, вокруг храмов объединялись жители улицы или конца города. Следовательно, храмы были в древней Руси крупными общественными сооружениями. Их строили не только монастыри и епископы, но иногда и князья, купцы, объединения жителей той или иной части города, улицы.

От конца X века дошли до нас остатки обширной десятинной церкви в Киеве, разрушенной полчищами Батыя в 1240 году. От более позднего времени — времени Ярослава Мудрого сохранился до нас знаменитый храм Софии в Киеве (1037), храм Софии в Новгороде (1045—1050), черниговский собор Спаса (1036). Во второй половине XI века строится собор Софии в Полоцке, храм Михаила в Выдубицком монастыре под Киевом и некоторые другие. Все эти храмы дают ясное представление о сложной строительной технике и богатом внутреннем убранстве.

Помимо храмов в Киеве сохранились остатки каменных Золотых ворот; археологи нашли фундаменты княжеских дворцов и крепостных стен. По остаткам земляных валов времени Владимира и Ярослава мы можем судить о быстром росте Киева, а восстанавливая его планировку, — о великолепии парадных въездов в Киев, о его площадях и торжищах. По сведениям

летописи, на Бабином торжке в Киеве стояли «четыре коня медяны» (медная квадрига коней), привезенные Владимиром I из Корсуня, и два античных мраморных алтаря.

С разделением Руси во второй половине XI—XII веков на ряд феодальных княжеств, которые не обладали уже такими гигантскими материальными средствами, как единая Киевская держава, строительство становится менее крупным и более дешевым. Вместо сложных и богатых мозаик начинают делаться более простые фрески, упрощается конструкция храмов, внутренние помещения становятся более тесными и т. д. Однако уменьшение размеров храмов не означало общего уменьшения строительства. Количество церквей и каменных построек, выстроенных в XII и начале XIII века, исчисляется тысячами. Развиваются разнообразные местные особенности в архитектуре. Свои особенности вырабатывает архитектура Новгорода, другие — архитектура Чернигова, Владимира, Смоленска. Совсем особенной была архитектура Галицкой земли и Волынской.

Из большого числа киевских церквей XII века до нас дошли лишь немногие: церковь Успения на Подоле (1131—1132) и Кирилловская церковь (1140), богато украшенная фресками.

Черниговское зодчество XII—начала XIII веков представлено рядом выдающихся памятников. Наибольший интерес из них представляет собор Пятницкого монастыря, в архитектуре которого исследователи усматривают влияние народного деревянного зодчества.

В Новгороде во второй половине XII века строительство переходит главным образом в руки бояр и купцов. Здесь вырабатывается тип небольшого простого храма с одним куполом. Церквей этого типа в Новгороде сохранилось несколько. Все они после великолепных соборов XI—начала XII веков кажутся очень небольшими, как бы вылепленными от руки, очень живописными и простыми. Особенно славилась в Новгороде церковь Спаса Нередицы, построенная в 1198 году и разрушенная немецко-фашистскими захватчиками. Всю ее от самого низа и доверху украшали яркие фресковые изображения.

В отличие от суровой архитектуры Новгорода с ее приземистыми пропорциями и простотой княжеское и церковное зодчество Владимира на Клязьме носило парадный и торжественный характер, выделялось изысканностью пропорций, изяществом линий. Торжественные арки городских ворот — «Золотых», «Серебряных», «Медных», широкие проезды, мощеные камнем площади, на которые были обращены богато украшенные скульптурой, золоченой медью и фресками фасады белокаменных княжеских построек, обширные и светлые помещения храмов предназначались для многолюдных церемоний. Сверкающие драгоценные полы, золотые купола, богатые ткани, развешиваемые в праздничные дни по стенам храма, дорогая утварь — все преследовало цель поразить зрителя и внушить уважение к власти князя.

Тщательные разыскания советских археологов позволили восстановить облик загородного замка князя Андрея Боголюбского в подгородном владимирском селе — Боголюбове. Замок этот был окружен высокой стеной с прекрасными белокаменными башнями. На краю берегового обрыва над Клязьмой воз-

вышелся видный издали княжеский дворец. Его восточный фасад выходил к спуску к речной пристани, западный был обращен на дворцовую площадь, вымощенную плитами белого камня и пересеченную тесаными из камня водосточными желобами. На дворцовую площадь выходил также окованный тонкими листами золоченой меди западный портал собора. Здесь же на трехступенном круглом пьедестале стояла большая белокаменная чаша, из которой путники могли утолять жажду. Чашу окружало восемь мощных, утончавшихся кверху колонн, державших восьмигранную, вероятно, золоченую шатровую кровлю. Палаты князя и собор соединялись белокаменными переходами. Галереи этих переходов имели цветные майоликовые полы и были расписаны фресками. Их фасады были украшены орнаментами, металлическими украшениями, резным камнем и, по-видимому, каменной скульптурой. Центральным зданием замка был дворцовый собор Рождества богородицы — небольшой храм с одной вызолоченной главой, с крышей, изгибавшейся по сводам. Стены его были украшены резным камнем. Внутри собор отличался большим своеобразием. Здесь выселись расписанные под мрамор колонны с огромными вызолоченными капителями. Искуснейшие художники расписали собор яркими фресками. Пол был вымощен толстыми, запаянными оловом медными плитами, казавшимися современникам золотыми.

Еще бóльшим великолепием отличался выстроенный при том же Андрее Боголюбском в 1158—1161 годах и расширенный при Всеволоде Большое Гнездо в 1185—1189 годах владимирский Успенский собор. Путем тонкого расчета пропорций владимирским зодчим удалось создать впечатление большой легкости сводов и высоты храма. Тонкие столбы легко несли своды собора. Зодчие украсили фасады скульптурными деталями. Художники покрыли внутри его стены великолепными фресками. Пол был вымощен разноцветными майоликовыми плитами. Богослужебные сосуды и вся утварь храма были украшены драгоценными камнями и жемчугом. Наружные лицевые стороны Успенского собора разделялись сложными пилястрами с пышными капителями. Изящный пояс из стройных вызолоченных колонок тянулся вдоль стен. Между колонками этого пояса помещались фресковые изображения святых. Вызолоченные флюгера, изображения птиц и другие украшения из золоченой прорезной меди завершали кровлю. Не случайно княжеский летописец не находил слов для описания сверкающего великолепия наружного «узорочья» собора, который, по его словам, был «измечтан всею хитростью», доступной человеку.

Выстроенная Андреем Боголюбским в 1165 году на берегу реки Нерли церковь Покрова принадлежит к лучшим произведениям русской архитектуры. Ее пропорции отличаются гармоничностью и стройностью. На стенах этой церкви сохранились каменные резные изображения библейского царя Давида, львов, голубей, фантастических грифонов, барсов, женские маски.

К 1193—1197 годам относится строительство во Владимире Дмитриевского собора. На стенах его изображение Александра Македонского, летящего на грифах. На обращенном

к городу фасаде собора скульптор-каменосечец изобразил самого строителя собора — князя Всеволода Большое Гнездо среди коленапрклоненных подданных. В этой искусной каменной резьбе, выполненной по заказу князя, нашли яркое отражение народные вкусы. Каменная резьба владимирских ремесленников очень близка к русской народной деревянной резьбе. Нас не должны удивлять светские сюжеты этих скульптур: вспомним, что церкви в древней Руси были большими общественными сооружениями, служившими не только религиозным целям. Созданные по княжескому распоряжению владимирские храмы не только отразили идеологию верхов феодального общества, не только служили целям возвеличивания сильной княжеской власти, но воплотили в себе и творческую инициативу народа. Вот почему они, как и многие другие произведения этой поры, выполненные руками русских «хитрецов», «горододельцев», «изографов» (живописцев), сохраняют и для нас свою непреходящую ценность.

О высоком развитии культуры домонгольской Руси свидетельствует и живопись XI — начала XIII веков. Живопись в ее разнообразных формах существовала на Руси издавна, но только принятие христианства позволило развиваться под византийским влиянием ее основным формам: мозаике, фреске, иконописи и миниатюре.

Техника мозаики была перенесена к нам из Византии, где она продолжала традиции античного искусства. Изображение выкладывалось из кубиков искусно окрашенного стекла (смальты) или из кубиков цветного камня. На поверхность стены наносился слой цементирующего раствора. На этом растворе делался рисунок и уже по этому рисунку выкладывалась путем вдавливания в раствор мозаика. Кубики выкладывались так, что линии, образованные их рядами, создавали эффект рисунка. Полупрозрачная ярко окрашенная смальта создавала особенную глубину тона. Изображения делались так, что были хорошо видны издали, в них отсутствовали детали, все было ясно, четко, легко воспринимаемо.

Техника фрески, также перенесенная к нам из Византии и также связанная своими традициями с античным искусством, была менее сложной. Мастер писал красками прямо по сырой штукатурке, особым образом приготовленной. Краски проникали внутрь штукатурки на некоторую глубину и плотно соединялись с ней. Живопись эта была очень прочной. В отличие от мозаики красочная поверхность фресок отличалась некоторой матовостью. Мастер, расписывавший стены фресками, должен был работать быстро — пока не высохла штукатурка; поэтому фрески, сравнительно с мозаиками, отличаются большей импровизированностью и непосредственностью рисунка.

Иконопись представляла собой живопись яичными красками на особым образом приготовленных досках. Она также имела давние традиции и отличалась уже в своих ранних произведениях высоким мастерством, выразительностью изображений, яркостью красок, сложностью сюжетов.

Наконец, миниатюра была связана со всем искусством писания книги в целом. В миниатюрах применялись разнообразные прочные краски и золото. Миниатюрист умел скупыми сред-

ствами изобразить наиболее существенное, передать сложное действие.

Древнерусские мозаики сохранились только в киевском храме Софии (середина XI века) и частично те, которые находились ранее в несуществующем ныне соборе киевского Михайловского златоверхого монастыря (также XI века) — теперь в Третьяковской галерее. Гораздо шире представлены фресковые росписи XI—XIII веков.

В киевской Софии сохранились росписи не только церковного содержания, но и светские. Здесь была изображена вся семья Ярослава Мудрого. От нее сохранились две фигуры младших сыновей и вся женская часть семьи Ярослава — среди них его дочь Анна — будущая королева Франции и дочь Елизавета — будущая королева Норвегии. Особый интерес представляют росписи на стенах двух лестничных башен. Здесь изображены сцены охоты, состязания на царьградском ипподроме, скоморохи, музыканты, фантастические звери и птицы.

Из росписей более позднего времени особенной известностью пользуются фрески в Новгороде — в церкви Спаса Нередицы (погибли во время Великой Отечественной войны), в соборе Софии, в Николо-Дворищенском соборе, в Георгиевском соборе Юрьева монастыря, в Антониевом монастыре.

Из других памятников фресковой живописи XII века упомянем росписи Кирилловской церкви в Киеве, Мирожского монастыря в Пскове, церкви Георгия в Старой Ладого, Дмитриевского собора во Владимире.

Чтобы понять искусство древнерусской фрески, необходимо увидеть за религиозными сюжетами черты действительности того времени, простые человеческие чувства людей, их создавших. Фрески древней Руси отличаются красотой цвета и линий. Живописцы умели немногими красками создавать впечатление исключительного цветового богатства, умели простыми средствами, избегая мелких деталей, передавать движение, создавать характеристики людей, подчеркивать индивидуальные черты человеческих лиц. Изображения монументальны и просты, они легко смотрятся с большого расстояния, хорошо сочетаются с плоскостью стен, не нарушая этой плоскости и всей конструкции храмов с их сводами и столбами. Живопись и архитектура не соперничают друг с другом, а гармонично согласуются в общем стремлении к величественности, торжественности, глубокой значительности изображаемого.

Иконопись XI—XIII веков была почти неизвестна до Великой Октябрьской революции. В настоящее время в музеях Москвы, Ленинграда и Новгорода можно увидеть превосходные иконы этого периода.

В образе святых в них запечатлены мужественные и спокойные люди с умными лицами, полными чувства собственного достоинства, бесстрашия и готовности с оружием в руках отстаивать честь и правду. Особенно характерна в этом отношении икона Дмитрия Солунского из Дмитрова. Предполагают, что под видом Дмитрия изображен владимирский князь Всеволод Большое Гнездо.

Основой успехов в развитии внешнеполитического могущества Руси, ее культуры — был труд народа, труд земледельческий в первую очередь. Русь не знала рабовладельческого строя. Уже в X и XI веках на Руси утвердился развитой феодальный строй с его двумя противостоящими друг другу классами; классом крестьян-земледельцев и классом феодалов-землевладельцев. Классовая борьба крестьян с феодалами наложила особый отпечаток на всю культуру Руси. Феодалы выступали по преимуществу как заказчики, работодатели и требовательные идеологические руководители, но непосредственные исполнители их заказов — ремесленники, строители, живописцы, переписчики рукописей умели вносить в выполняемые ими произведения свои вкусы, свои идеи, свои навеянные русской жизнью темы, мотивы.

Но нельзя думать, что заказчики-феодалы только тормозили развитие искусства и литературы. Нет. Это были люди высокой культуры, европейски образованные. Феодалы скапливали в своих руках огромные материальные средства, что делало возможным дорогое строительство обширных храмов и княжеских теремов, украшавшихся фресками и мозаиками. Князья приглашали лучших строителей — своих и иностранных, закупали ювелирные изделия, дорогие рукописи.

Из произведений ремесла особенно славились ювелирные, среди них на первом месте следует поставить перегородчатые эмали и изделия с чернью. Изготавливались изделия с чернью следующим образом. Места на серебре, которые должны были быть заполнены чернью, немного углублялись чеканкой или тиснением и процарапывались резцом для того, чтобы чернь держалась лучше. Затем в эти углубления вмазывался слегка разведенный порошок из смеси серебра, свинца, красной меди, серы, поташа, буры и соли и изделия прокаливали в жаровне. После того края черни и выступающие светлые части дорабатывались резцами.

Перегородчатой эмалью украшались дорогие золотые вещи. Перегородчатая эмаль делалась следующим образом. На поверхность золота припаивали в виде узоров, образующих небольшие замкнутые вместилища, золотые перегородки. В перегородки насыпалась разноцветная эмалевая масса, и вещь затем прокаливалась. Эмалевая масса расплавлялась и равномерно заполняла пространство между перегородками, которые становились, таким образом, как бы обводами разноцветных узоров. Почти так же делалась и выемчатая эмаль, с тем только различием, что вместилища для эмалевой массы изготавливались не из перегородок, а путем углублений в металле; этим последним в выемчатых эмалях часто бывала медь. Вся сложность этой работы заключалась в том, чтобы точно рассчитать температуру плавления, при которой эмаль не потеряла бы цвет при перегреве и металл не расплавился.

Необыкновенно искусна была и филигрань. Филигрань (по-русски «скань») представляла собой изделия из тончайших скрученных («сканных») проволок. Из этих скрученных проволок выкладывались сложнейшие узоры, которые затем слегка припаивались к поверхности предмета или спаивались между собой для изготовления ажурной филигрانی.

Близка к филиграни древнерусская зернь, иногда применявшаяся вместе с филигранью. Зернь представляла собой мельчайшие капельки металла (золота или серебра), из которых выкладывались узоры, припаивавшиеся к предмету. Каждое из этих зерен было в 5—6 раз меньше булавочной головки. На отдельных ювелирных изделиях, сравнительно небольших по размерам, можно насчитать несколько тысяч таких зерен.

Мы упомянули только наиболее прославленные виды русского прикладного искусства. По-видимому, существовало более 40 ремесленных специальностей, многие из которых достигли значительного совершенства. Так, например, русские замки вывозились во многие страны Европы. Высоким искусством отличались стеклянные цветные браслеты, поливная керамика, резьба по кости.

В русских городах были целые районы, заселенные гончарами, кузнецами, кожевниками. Много ремесленников проживало в сельских местностях.

Основной формой труда в Киевской Руси было, как мы уже сказали, земледелие. Земледелие сделало большие успехи в VIII—X веках. На смену подсечному (иначе — огневому или паловому) земледелию, при котором для того, чтобы подготовить участок для посева, вырубали лес, а затем поджигали подсохший участок, пришло земледелие пашенное. Вместо мотыги стала употребляться соха, а затем и плуг.

Археологами найдены зерна ячменя, овса, ржи, пшеницы, проса, гречихи, льна, мака, гороха. Из огородных культур наибольшим распространением пользовались репа (она была распространена не менее, чем позднее картофель), капуста, лук, чеснок, хмель, бобы. В садах разводили яблони, вишни, смородину, на юге — виноград.

Хозяйства были и крупные (княжеские, боярские, монастырские) и мелкие (крестьянские). Крупные хозяйства владели огромными стадами рогатого скота и тысячами табунами коней. Но в крестьянских хозяйствах часто не хватало скота; коней отбирали для военных нужд. Гнет эксплуатации все усиливался и в XI веке стал невыносимым. Целый ряд восстаний крестьян, поддержанных городскими массами, отметили летописцы в XI веке. Восстания были неудачными, но напуганные ими феодалы склонны были идти на уступки, распространилась проповедь мягкого отношения к «сиротам» (как называли крестьян) и одновременно возникали новые и новые княжества, происходило феодальное дробление, которое давало лучшие возможности феодалам держать в узде народные массы.

